

А.И. Кузнецова

(Россия, Москва)

**Сходные и различные черты уральских языков,
находящихся на территории России в эпоху глобализации**

A.I. Kuznetsova (Russia, Moscow). **Similar and different features of the Uralic languages functioning in Russia in the era of globalization.** The article focuses on the survival problems of minority Finno-Ugric languages of Russia. The author considers extra- and intralinguistic aspects in the development and functioning of the mentioned languages.

Проблемы выживаемости малых языков в эпоху глобализации, коснувшиеся многих народов России, до сих пор продолжают всех волновать, свидетельством чего является, например, жизнь тундренных юкагиров. По материалам нидерландского лингвиста Сесилии Оде (Амстердамский университет), из числа приблизительно 700 тундренных юкагиров на родном языке говорят лишь 63 чел., проживающих на Севере Якутии (Республика Саха). Однако в настоящей статье особое внимание будет уделено лишь уральским/финно-угорским языкам, среди носителей которых можно также найти энное число живущих вразброс малочисленных финно-угорских народов, во многом, к сожалению, нередко утративших забытые слова родного языка, в большинстве своём перешедших на русский язык и быстро сближающихся в своей судьбе с судьбой упомянутых выше юкагиров.

Рассмотрение различных языков разных народов велось (и продолжает вестись) под многими углами зрения. Например, учитывается возможность взаимовлияния на те или иные языки народов, контактирующих с другими языками (что особенно заметно в местах компактного проживания носителей того или иного языка). Вместе с тем в России поражает наличие и количество исторически сложившихся диаспор многих разных народов — переселенцев из нередко очень дальних районов страны.

Такова, напр., у *корлаков* — карельская диаспора под *Омском*, испытавшая влияние русского языка, что, вполне естественно, привело к новому обороту речи, дословно не передаваемому на чужой язык (и что получило название идиома). Можно привести и другой пример, сравнив приведенный с водской диаспорой, которая была более 300 лет в *окружении латышской округи*. Большое внимание привлекла к себе книга Ф.И. Видемана «О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривин» [Видеман, 1872], где говорится о маленьком народе финского племени по названию Кривины, которые

были народом близко родственным Ливам и Эстам [с. 3 и др.]. Бросается в глаза изменившееся оформление книги: на левых первых XIV страницах над текстом было написано «о происхождении и языке», а справа шло продолжение этих слов: «вымерших ныне курляндских кривинов». Начиная со стр. XVII, надпись на правой странице изменилась, получилось «ныне вымерших (вместо вымерших ныне) курляндских кривинов», а на XVII странице прекратилась сама нумерация разделов.

Данная книга не только привлекла к себе внимание интересующихся историей России членов Историко-Филологического Отделения (14 марта 1872 г.), но вызвала и большие споры, о которых можно судить по упоминавшейся книге Ф.И. Видемана и появившейся книге Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и Зырянский языкъ». Санктпетербургъ 1889 г. 226 с. В этой книге есть приложение к Зырянскому языку под названием «Русско-вотско-зырянский словарь» [1884] с просьбой (!): «Убедительно прошу Зырянъ и Вотовъ» делать исправления и дополнения на печатном экземпляре, который потом прошу доставить мне; этим путем сообщая мы составим сносный Русско-Вотско-Зырянский Словарь, обнимающий почти все коренные слова Русского языка. — Вотские или Вотяцкие слова заключены между скобками; нерусские слова отмечены звездочкою». Хочется надеяться, что просьба «ко всем» была удовлетворена.

Наряду с диаспорами в начале 1930-х гг. существовал «тайный язык» в коми-зырянском языке, что отмечали особо Старцев и Е.А. Хелимский. Пиджины, диаспоры, тайные языки, говорка, собранная на Таймыре Грачевым, — всё это использовалось русскими, нганасанами, долганами, о чём неоднократно в своё время говорил Е.А. Хелимский.

В качестве примеров можно обратиться также к многочисленным попыткам этнографов и антропологов установить происхождение целого ряда народностей: бесермян, комиметисов (называемых также колвинскими ненцами), коми-ижемцев, мигрировавших в свое время за Уральские горы и до сих пор называющих себя (напр., в селе Мужы) ижемцами: «Ми изъватасъяс». Интересно отметить, что название самого села — хантыйского происхождения (Мыжы — это «живая вода»). Не только у историков, антропологов, этнографов возникает желание познакомиться с происхождением мордовских (эрзянского и мокшанского) и марийского языков (подробнее см. [Финно-угорские..., 2012]): появляется интерес к разного рода лексике в этих и других языках, что (в свою очередь) приводит к желанию сравнить их сходства и различия и познакомиться с народным творчеством.

В подобных случаях (на это обращал внимание в свое время В.И. Даль) трудно провести границу между поговорками, пословицами, прибаутками, байками, присказками, которые можно рассматривать и как разновидности загадок. Встречаются подобные примеры во всех языках, напр., мокшанская прибаутка: *Учень, учень — учакс арань, парань-парань — траксокс арань* 'Ждала-ждала — овцой стала. Мычала-мычала — коровой стала'. Эрзянская прибаутка: *Мон тондеть покшан, ды монень эряви кортамс «тынъ»! Тынъ! Можна монень саемс тонъ карандашонть?* — Я старше тебя, ты ко мне должен обращаться на «Вы!» — *Вы!* Можно мне взять *твой* карандаш? [Мордовские пословицы, 1986] и т.п.

Среди мордовских загадок [Кавтаськин, 1947: 56–57] часто встречаются загадки, воспринимаемые как иносказательные замысловатые выражения, предполагающие ответ-разгадку (что сделать часто нелегко): *Вишка чакике, тантей кашине. — Пешите* 'Маленький горшочек, сладкая каша. — *Орех*'. *Паксясь ашо, видмесь раужо, кона машты, се види, кона а машты, се а види. — Писарь* 'Поле белое, семя черное, кто умеет, тот сеет, кто не умеет, тот не сеет. — *Писарь*'. Встречаются загадки в форме прямого вопроса: *Ки сех кую светсэнть?* — *Масторось* 'Кто всех жирнее на свете? — *Земля*'. Изредка загадки выделяются среди других не только и не столько особой поэтической выразительностью, но одновременно и наличием абстрактных понятий, как, напр., загадка: *Пакся кунчкаса тума, тумоть кемгафтува таратоц, эрь таратоц ниле пизот, эрь пизоса сисем алхт. Содак мезе тя?* — *Кизось, кофне, недялятне, шитне* 'На середине поля дуб, у дуба двенадцать ветвей, на каждой ветке четыре гнезда, в каждом гнезде семь яиц. Узнай, что это? — *Год, месяц, недели и дни*' и т.п.

Нередко загадки настолько похожи друг на друга, как близнецы-братья, что им дается один ответ, хотя одновременно аналогичные ответы относятся и к другим загадкам. Например, попробуйте разнести на две группы (как предлагается в книге «Мордовские загадки» [1987]) следующие загадки, начало которых одинаково: *Без рук, Без ног (Ворота открывает; Дверь открывает; Окно открывает; Листья рассыпает; Мельничные крылья вертит; Никому не догнать, Никому не поймать; Крышии сносит; Лес валит; А силы много; А железный мост строит / А стеклянный мост строит; По стенам поднимается; Без рук, без ног, без лестницы, без веревки в небо подымается; Без головы, без ног — в небо подымается)* и т.п. В этой же книге есть загадки об отвлеченных понятиях (мокшанские и эрзянские), вроде следующей: *Без ног, без крыльев,*

Бойчее молнии (мысль); Одного не вижу, Другого не помню, Третьего не знаю (Рождение, развитие, смерть) и т.д. Наконец, в данной книге имеются затейливые загадки-задачи: *Две матери, две сестры да бабушка с внучкой. Сколько их было? (трое)*. Или: *Сидели пять дочерей одной женщины да родной брат каждой дочери. Сколько было у женщины дочерей и сыновей? (ответ: пять дочерей и один сын)*.

В каждом языке можно обнаружить слова, воспринимаемые большинством как редкие или даже несуществующие вообще. К числу подобных раритетов следует отнести слово *кумбулдамс*, произносимое также как *кумболдамс*, про которое жители села Шокша сказали: «В настоящее время это слово не употребляется. Даже моё поколение его не знает (говорящая — А.П. Кабаева, 1947 г.р.). Но старые люди говорят, что в их времена это слово означало играть в воде, нырять, выныривать, бить по воде руками, ногами. *Сатэ кумболдамс!* ‘Хватит мутить воду!’». Другой информант дал дополнение к этому слову: «Одно значение я написала, но одна женщина вдруг вспомнила, что её бабушка употребляла глагол *кумболдамс*. Это когда вокруг солнца появляются огненные круги, говорят, солнце играет: *Чись кумбулдузь-кумбулдэ*. ‘Солнце играет’».

В сентябре 2012 г., обсуждая заметное обмеление рек с местной жительницей с. Теги Вениаминовой Светланой Семёновной (1951 г.р), присутствующие услышали интересную историю о происходящих здесь природных изменениях, в частности, рассказ об обмелении рек: «Да ничего по поводу обмеления рек не говорят, но констатируют по нашему ТВ, что такое обмеление рек было 100 лет назад. А я вспоминаю, как один из наших старожиллов говорил, что Обь когда-то протекала гораздо западнее, чем сейчас, что Древние Теги когда-то стояли на Оби. Так вот, природе, видимо, свойственно возвращаться, как говорится, на круги своя через энный промежуток времени. Вот, наверное, и Обь решила вернуться в своё исконное русло, не зря же она так стремительно подмывает нашу деревню (речь идет о деревне Теги — А.К.). В старину об этом бы сказали «*Весан нык ецла*» (Водяной дух, мамонт съедает, выпивает землю). *Вес* — мифическое существо, которое живёт по берегам рек, именно оно способствует обрушению берегов рек».

В 2012 г. в Будапеште вышла карта «Уральские народы», в которой приводятся сведения о численности населения финно-угорских народов. По данным этой карты выделяются финно-угорская и самодийская (самодийская) ветви (всего 20 языковых групп в пределах двух ветвей). Среди всех языков, перечисленных на карте, можно выделить финно-угорские ветви и численность их

населения (*сведения на карте даны округленно!*). Особое внимание привлекают 10 малочисленных народностей. К ним относятся манси (12 000), ханты (30 000), вепсы (6 000), водь (64), ижоры (270), ливы (200), северные самодийцы (ненцы 45 000); энцы (227); нганасаны (862); селькупы (3 600).

На карте финно-угорских народов даны дополнительные сведения о «прародинах уральских народов и переселении венгров» (начиная с финно-угорской прародины III тыс. до н.э.) и приводятся также **шесть** общих слов (*рука, глаз, кровь, рыба, зима, два*) для 12 языков того периода (*финский, эстонский, саамский, мордовский, марийский, коми, удмуртский, ханты, манси, венгерский, русский, английский*). Интересны результаты сопоставления: в четырех языках на карте по одному слову отсутствует. Так, для слова *marí* (марийский) на карте нет слова со значением *глаз*, однако в словарях это слово присутствует: *шинча* (орган зрения, глаз, глаза). В IX томе Словаря марийского языка (2004) дано шесть значений данного слова. Есть это слово и в Русско-марийском словаре [Учаев, Захарова, 1999]. В рассматриваемой древней карте мансийского языка отсутствует слово со значением «кровь», встречающееся в современном языке с долгим *e* (*келуп*). Наконец, пробел на древних картах есть в удмуртском языке в слове «рыба», как и в коми языке. Даже приведенные единичные примеры позволяют сделать вывод о постоянно происходящих значительных изменениях в лексике всех (в данном случае — уральских) языков. Отдельно дается карта Европы X в., где приводятся маршруты венгерских научных экспедиций от древних времён вплоть до 1914 г.

Лингвисты и этнологи могут привести тысячи примеров народов и их языков, бесследно исчезнувших в ходе истории. Иногда, впрочем, в языках, пришедших на смену вымершим, оставались следы мертвых языков в виде субстратных явлений. Как правило, этнос и его язык уходят в небытие в результате войн или каких-то катаклизмов истории, но утрата языка может произойти и в результате языковой политики государства по отношению к народам, входящим в данное государство.

Каждый раз, когда начинается угасание языка, теряющего свою востребованность народом, носители этого языка испытывают чувство боли и желание продлить жизнь языка, повысить его престиж. В подобной ситуации всё зависит как от самих носителей языка, так и от государственной политики, направленной на сохранение или на подавление языка.

В настоящее время остро стоит проблема престижности русского литературного языка в современной России. Существует много точек зрения, с которых освещаются различные факты, явления,

вопросы и требуются их разрешения. Если в древности рассмотрение разных вопросов решалось при определении положения планет, созвездий по отношению к солнцу или друг к другу (с точки зрения наблюдателя), то в настоящее время это не так.

Современное состояние русского литературного языка противоречиво. С одной стороны, литературный *русский язык*, являющийся не только государственным языком, но и языком международного общения, в настоящее время *испытывает* сильное *давление* со стороны речи *необразованных слоев населения* при почти полном игнорировании этого факта со стороны носителей литературного языка и тех, от кого зависит, допускать или нет в средства массовой информации (в печатные издания, на экраны телевизора) просторечную, диалектную и ненормативную лексику, еще недавно находившуюся под запретом. В стране царит состояние вседозволенности в обращении с языком, которое широко наблюдается в том числе в речи интеллигенции, первоначально передразнивающей услышанное не литературное произношение, потом начинающей сознательно коверкать и огрублять язык и постепенно привыкающей к подобной манере говорения. Такое отношение к языку чревато в недалеком будущем примитивностью языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. К этому следует добавить падающий интерес к чтению художественной литературы высокого уровня и сужение словарного запаса у носителей языка.

Одновременно наступление на русский язык идет со стороны других языков, лексика которых без всякой фильтрации насаждается теми же СМИ и часто без всякого понимания широко используется в речи граждан (особенно активно молодым поколением). Во всех случаях *русский литературный язык с его признанной в мире художественной литературой выступает в роли подавляемого и обездоленного языка, теряющего свой престиж* как у собственного народа, так и за рубежом.

С другой стороны, в национальных и автономных округах, республиках с нерусским населением русский язык сплошь и рядом выступает, наоборот, в роли языка, подавляющего местные языки, особенно языки малочисленных этносов, не имеющих собственных национально-территориальных образований. Русский язык вытесняет здесь из преподавания местные языки, которые подвергаются сильной русификации. Нередко родные языки становятся предметом не обучения, а изучения в школе, причем, в недостаточном объеме часов; отсутствует газета на родном языке; минимизировано (если есть вообще) радиовещание на языке малочисленного этноса и т.д. Дети, попадая в детские сады и интернаты, где общение с ними ведется на русском языке, забывают и тот малый запас слов,

который усвоили в семье. Кончая школу, ученики владеют более престижным для них русским языком лучше, чем своим родным. Не видя применения родному языку, который становится только языком домашнего общения, молодые сознательно переходят на русский язык и со своими детьми уже не разговаривают на родном языке. Такая картина характерна для обско-угорских, самодийских и многих других народов РФ.

Языковая политика государства зашла в тупик. В последнее время возникла парадоксальная ситуация: русский литературный язык, пользующийся репутацией более престижного в нерусскоязычных районах, среди носителей русского языка мало-помалу утрачивает свой былой престиж: высокий уровень кодификации снижается, постепенно приближаясь к низкому уровню просторечно-разговорного варианта языка. Из приведенных примеров и сведений о разных (часто характерных лишь для конкретных народов и мест их проживания) языковых особенностях того или иного народа можно попытаться сделать заключение о возможных причинах сходств и различий данных народов.

Л и т е р а т у р а

- Видеман Ф.И.* О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривонов. Санкт-Петербург, 1872. 118 с.
- Кагаськин Л.* Заметка о мордовских загадках // НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Записки. 7. Язык и литература. Мордовское гос. изд-во. Саранск, 1947. С. 52–62.
- Кузнецова А.И.* Изменение границ этноязыковых процессов в России за последние полторста лет (от Лапландии до Енисея в Западной Сибири) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. Москва, 2014. С. 134–146.
- Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах пермских и Зырянский язык. Санктпетербургъ. 1889. 226 с. + Отделы: Зырянский язык. Прибавление: Русско-Вотско-Зырянский словарь. Санкт-Петербургъ. 1884. 60 с.
- Мордовские загадки / Составление, запись текстов, перевод на русский язык, предисловие и послесловие К.Т. Самородова. Саранск, 1987. 288 с.
- Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск, 1986.
- Русско-вотско-зырянский словарь. СПб., 1884 г. 60 с.
- Словарь марийского языка (Марий мутер). Т. 9. Йошкар-Ола: Марийский НИИ. 2004. 520 с.
- Учаев З.В., Захарова В.С.* Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1999. 480 с.
- Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 880 с.
- Map of Finno-Ugric Peoples / Карта Финно-угорских народов. VI Всемирный конгресс финно-угорских народов. 5–7 сентября 2012 г. Прародины уральских народов и переселение венгров. Европа в X в. Маршруты венгерских научных экспедиций до 1914 г.